

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
4 April 2002
Russian
Original: English/French/Spanish

Комиссия международного права

Пятьдесят четвертая сессия

Женева, 29 апреля — 7 июня
и 22 июля — 16 августа 2002 года

Пятый доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо*

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение	1–46	2
A. История разработки темы	1–5	2
B. Рассмотрение дополнительных элементов международной практики. . .	6–24	3
C. Перспективность и трудности темы	25–36	9
D. Содержание настоящего доклада и обзорный характер его второй части.	37–46	12
II. Обзорное рассмотрение некоторых основополагающих вопросов	47–	13
A. Определение одностороннего акта.	48–81	14

* Задержка с представлением настоящего документа вызвана сложностью рассматриваемых в докладе вопросов.

I. Введение¹

A. История разработки темы

1. Тема односторонних актов государств рассматривается Комиссией международного права с сорок девятой сессии 1997 года, когда была создана Рабочая группа, подготовившая важный доклад, который впоследствии служил основой для работы Комиссии². Более конкретно Комиссия рассматривает эту тему начиная со своей пятидесятой сессии 1998 года, когда Специальный докладчик представил свой первый доклад³, в котором в целом была разграничена эта тема и были представлены составные элементы определения одностороннего акта, поскольку такое определение является основополагающим вопросом, который надлежало решить прежде чем двигаться далее в работе над проектами статей и комментариями к ним, как об этом договорились члены Комиссии.

2. В последующих докладах⁴ Специальный докладчик, неизменно принимая во внимание венский режим в качестве действительной исходной основы, которая должна учитываться под углом зрения ее совместимости с собственным характером односторонних актов, являющихся предметом рассмотрения Комиссии, изложил некоторые аспекты темы, связанные главным образом с формулированием и толкованием односторонних актов.

3. Аналогичным образом, Специальный докладчик, основываясь на изучении обширных теоретических материалов, представил некоторые идеи относительно классификации односторонних актов, вопроса, который, как представляется, является базовым для структуризации проекта статей, который пытается выработать Комиссия в работе над этой темой. По его мнению, группирование односторонних актов в зависимости от их правовых последствий не является простым академическим занятием. Напротив, по уже упомянутым соображениям адекватная категоризация этих актов, несмотря на ее чрезвычайную сложность и всю разнообразность применяемых к ней критериев, призвана облегчить упорядочение работы над этой темой и продвижение вперед в этой работе. Специальный докладчик счел, что, хотя не все нормы, касающиеся этих односторонних актов, обязательно применимы к ним ко всем, некоторые нормы, действительно, могут носить характер общеприменимых. Учитывая, что в настоящее время нет необходимости в принятии решения относительно классификации односторонних актов, можно попытаться выработать некоторые нормы, применимые ко всем этим актам.

4. Вместе с тем, продолжает вызывать беспокойство вопрос о неопределенности, все еще, как представляется, сохраняющейся в отношении предмета кодификационной деятельности, а именно в отношении тех односторонних актов, которые могли бы подпадать под определение. Некоторые из них, как мы увидим, могут идентифицироваться и ассоциироваться с поведением и позицией

¹ Специальный докладчик выражает благодарность г-ну Николасу Герреро Пениче, работающему над докторской диссертацией в Институте высших международных исследований в Женеве, за помощь, оказанную в подготовке настоящего пятого доклада.

² *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/52/10)*, пункты 195–210.

³ A/CN.4/486.

⁴ A/CN.4/500 и Add.1, A/CN.4/505 и A/CN.4/519.

государств; другие, будучи, несомненно, односторонними актами с формальной точки зрения, могут подпадать под иную сферу, под сферу договоров или обычного права, в то время как некоторые другие, как представлялось бы, находятся в сфере категории тех актов, которые представляют интерес для Комиссии. Даже в тех случаях, как мы увидим далее, когда мы имеем дело с одним из актов, в целом именуемых односторонними с материальной точки зрения, он может находиться вне сферы изучаемых вопросов. Таковыми являются отказ или признание имплицитными или определенно выраженными актами. Было заявлено, что отказ или признание, среди прочих, являются односторонними актами в том смысле, который интересует Комиссию. Тем не менее более обстоятельное изучение их формы может привести к выводу о том, что не все односторонние акты отказа или признания могут подпадать под категорию, которая интересует Комиссию, и поэтому охватываться определением, которое мы пытаемся выработать.

5. На практике можно наблюдать, что акты признания совершаются посредством актов, отличных от ранее упомянутого формального акта, то есть посредством определенно выраженных или имплицитных актов, как обстоит дело, например, с актом установления дипломатических отношений, посредством которого государство имплицитно признает какое-то образование, которое претендует на подобный статус. В порядке примера мы можем привести имплицитное признание Намибии Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии. Министерство иностранных дел Великобритании заявило в связи с этим о том, что признание было не формальным, а имплицитным, когда в марте 1990 года были установлены дипломатические отношения с правительством Намибии⁵. Следует также отметить, что некоторые из этих актов имеют договорное происхождение, как, например, договор от 5 августа 1979 года, подписанный Мавританией и Фронтом ПОЛИСАРИО, на который делается ссылка ниже, то есть являются актами, которые по своему характеру должны быть также исключены из сферы нашего исследования.

В. Рассмотрение дополнительных элементов международной практики

6. Прделанная Специальным докладчиком до настоящего времени работа основывается в значительной мере на рассмотрении теории и прецедентов. Вместе с тем практика, несмотря на убеждение в том, что ее значение в этом контексте постоянно растет, не была рассмотрена в требуемой степени. Нерассмотрение в требуемой форме, что объясняется трудностью с получением информации, несомненно, может иметь негативные последствия для изучения этой темы. Специальный докладчик сознает, что без опоры на эту практику не представляется возможным подготовить исчерпывающее исследование по данной теме и уж тем более пытаться вести работу по кодификации и прогрессивному развитию в этой сфере. Несмотря на явную частоту, случаи, когда признавался бы обязательный характер этих актов, немногочисленны. Заявление

⁵ *British Year Book of International Law*, 1992, págs. 642 a 643, цитируется Торрес Касорла, Марией Исабель в “Los actos unilaterales de los Estados en el derecho internacional contemporáneo”, trabajo de investigación presentado al Segundo ejercicio de oposición a profesor titular, Universidad de Málaga, España, 2001 (inéedito), pág. 57.

Ихлена в течение многих лет служило классическим примером одностороннего заявления. За прошедшее время в равной мере обязывающими считались и другие односторонние заявления, хотя они и не являлись предметом судебного рассмотрения. Речь идет, к примеру, о заявлениях немецкого правительства в период между 1935 и 1938 годами относительно нерушимости нейтралитета некоторых европейских стран, которые концептуально рассматривались как «гарантии». Кроме того, следует упомянуть заявление о нейтралитете Австрии, рассматривавшемся некоторыми как обещание, и о декларации Египта в 1957 году, несмотря на то, что это заявление было зарегистрировано Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. Заявления французских властей, которые рассмотрел Международный Суд в контексте дел о ядерных взрывах, также являлись односторонними заявлениями того характера, который интересует Комиссию. Некоторые другие односторонние заявления, такие, как негативные гарантии безопасности, которые в зависимости от их содержания могли отражать обещание государств, обладающих ядерным оружием, государствам, не обладающим им, являются другой категорией этих актов, правовой характер которых не был предметом судебной деятельности и не определялся авторами или объектами этих актов, могущих, тем не менее, рассматриваться как обязательные с правовой точки зрения, как об этом указывали некоторые члены Комиссии, комментируя представленный в 1999 году второй доклад Специального докладчика.

7. На пятьдесят третьей сессии была создана Рабочая группа, которая рассмотрела некоторые аспекты этой темы, как это отражено в принятом Комиссией к сведению докладе⁶. Пользуясь нынешней возможностью, можно констатировать, что одной из проблем, поднятых в ходе изучения этой темы, является по сути дела тот факт, что такая практика еще не являлась предметом широкого рассмотрения. Рабочая группа рекомендовала Комиссии просить Секретариат распространить среди правительств вопросник, в котором государствам предлагалось бы представить более подробную информацию относительно практики, касающейся формулирования и толкования односторонних актов⁷. Некоторые государства, такие, как Эстония и Португалия, комментарии которых упоминаются ниже, представили весьма конструктивные ответы на поставленные вопросы.

8. Правительство Португалии сообщило ценную информацию относительно совершения односторонних актов в ее международных отношениях, квалифицируя их в каждом отдельном случае. Правительство Португалии упоминает протесты, принесенные в отношении некоторых актов Австралии применительно к Восточному Тимору и признания права Восточного Тимора на свою независимость.

9. В период 1985–1991 годов Португалия, как она сообщает в упомянутом ответе, принесла серию дипломатических протестов властям Австралии. В 1985 году правительство Португалии дало знать Австралии, что оно не имеет другого выхода, как «считать странной позицию правительства Австралии, ведущего переговоры об освоении ресурсов территории, применительно к которой Португалия является управляющей державой, что признано на междуна-

⁶ Устное сообщение Председателя Рабочей группы, A/CN.4/SR.2701.

⁷ Вопросник был направлен государствам в ноте LA/COD/39 от 31 августа 2001 года. Полученные ответы содержатся в документе A/CN.4/524.

родном уровне... правительство Португалии может лишь заявить правительству Австралии своей решительный протест по поводу явного отсутствия уважения к международному праву»⁸.

10. В 1989 году Португалия вновь заявила, что «будучи управляющей державой самоуправляющейся территории Восточного Тимора, протестует против текста упомянутых заявлений». После подписания Договора о Тиморском разломе Португалия еще раз сообщила Австралии свое мнение по данному вопросу: «Власти Португалии неизменно приносили правительству Австралии дипломатические протесты... в этих протестах... было указано, что ведение переговоров и итоговое заключение указанного договора с Республикой Индонезией... представляло бы собой серьезное и вопиющее нарушение международного права... приступая к подписанию ранее упомянутого договора, Австралия продолжает и окончательно совершает нарушение права. Подписывая «временное соглашение», она игнорирует свое обязательство уважать право на самоопределение населения Восточного Тимора... учитывая вышесказанное, Португалия не имеет иного выхода, как принести свой протест в более решительной форме правительству Австралийского Содружества и заявить, что она оставляет за собой право прибегнуть ко всем правовым средствам, которые она сочтет целесообразными, чтобы оградить законные интересы населения Восточного Тимора»⁹.

11. Для правительства Португалии эти односторонние акты, эти акты протеста, как оно само их называет, представляют собой волеизъявление с «целью не рассматривать в качестве правомерного определенное положение дел, понимая под этим охрану своих нарушенных или поставленных под угрозу прав»¹⁰. Это утверждение имеет исключительно важное значение, поскольку не только перечисляет акты и квалифицирует их, но и указывает правовые последствия, которые они могут породить.

12. Правительство Эстонии также представляет очень ценную информацию по этой практике. Оно отмечает, что «19 декабря 1991 года Верховный совет выпустил заявление по поводу имущества Республики Латвии и Республики Литвы, которое может рассматриваться в качестве обещания. Учитывая восстановление независимости Эстонии, Латвии и Литвы, Верховный совет заявил, что Эстония будет гарантировать юридическую защиту имущества любого вида упомянутых государств на территории Эстонии в соответствии с законом об имуществе Эстонии»¹¹.

13. В ответе, который был дан правительством на вопросы в указанном вопросе, Эстония упоминает и квалифицирует другие односторонние заявления. Например, заявление от 24 июля 1994 года о социальных гарантиях бывшим военнослужащим Российской Федерации; заявления о признании государств, такие, как заявление от 25 сентября 1991 года о признании Республики Словении; заявление Верховного совета от 3 апреля 1990 года о восстановлении независимости Литвы, в котором Литва признается в качестве независимого государства. В сентябре 1992 года парламент Эстонии принял заявление о восстановлении, в котором прямо заявлялось, что нынешняя Республика Эсто-

⁸ A/CN.4/524, ответ Португалии на первый вопрос, пункт 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, пункт 4.

¹¹ Там же, ответ Эстонии на первый вопрос, пункт 6.

ния является тем же самым субъектом международного права, который был объявлен впервые в 1918 году¹². Правительство Эстонии добавляет, что «в некоторых односторонних актах правовые последствия очевидны и ясны, как это имеет место в случае заявления о гарантии правовой защиты имущества Латвии и Литвы, признания других государств»¹³.

14. Не вызывает сомнения большое разнообразие односторонних актов. Как отмечают некоторые, «большое число терминов, которые употребляются или предлагаются для употребления в этой области, служат скорее помехой, нежели помогают найти удовлетворительную типологию»¹⁴. Тем не менее, в теории и даже в самой Комиссии в качестве односторонних актов выделяются обещание, протест, отказ и признание. Более того, Комиссия указала, что кодификация и прогрессивное развитие можно сосредоточить, по крайней мере на первом этапе, на рассмотрении обещания, т.е. попытке выработать нормы, которые регулировали бы функционирование одностороннего акта, который, как обещание, означает, принятие односторонних обязательств со стороны государства или государств-авторов.

15. После изучения этих актов при постоянной оговорке о том, что они могли бы не быть единственно односторонними актами, мы отмечаем, что признание посредством официальных заявлений часто применяется на практике; в этом контексте мы можем наблюдать многочисленные акты подобного характера, особенно в контексте актов признания правительства после политических изменений, происшедших с начала 60-х годов, когда начался процесс деколонизации и приобретения независимости колониальными странами и народами; и в самое последнее время в контексте создания новых государств после перемен, происшедших в бывшей Чехословакии, бывшем Советском Союзе и бывшей Югославии.

16. В результате изучения дипломатической переписки, отраженной в самых важных международных источниках, можно прийти к выводу о том, что признание государств посредством дипломатических нот является одной из тех форм, которыми часто пользуются государства. Так, например, обстоит дело применительно к Венесуэле, которая посредством заявления от 5 мая 1992 года «признает Республику Словению в качестве суверенной и независимой», одновременно выражая «свое намерение установить... дипломатические отношения»¹⁵. Аналогичным образом можно рассматривать заявление правительства Венесуэлы от 14 августа 1992 года, в котором было принято решение «признать в качестве суверенного и независимого государства... Республику Боснию и Герцеговину», и также было выражено «намерение установить дипломатические отношения...»¹⁶. И наконец, мы видим заявление от 5 мая 1992 года, в котором Венесуэла приняла решение «признать в качестве суверенного и независимого государства Республику Хорватию», одновременно выражая «свое намерение установить дипломатические отношения»¹⁷.

¹² Там же, пункты 8, 9 и 11.

¹³ Там же, ответ на третий вопрос.

¹⁴ Fiedler, Wilfried. "Unilateral Acts in International Law", en Bernhardt, Rudolph (ed.), *Encyclopedia of Public International Law*, vol. IV (Amsterdam, Elsevier, 2000), pág. 1018.

¹⁵ Libro Amarillo, Ministerio de Relaciones Exteriores de Venezuela (Caracas, 1992), pág. 505.

¹⁶ Ibid., pág. 508.

¹⁷ Ibid., pág. 508.

17. Изучение повседневных международных отношений дает нам возможность наблюдать определенную практику, которая не утрачивает своей полезности и могла бы быть квалифицирована. Эта практика связана с признанием применительно к государствам, возникшим на базе бывшей Чехословакии, бывшего Советского Союза и бывшей Югославии. Примером являются отражающие такое признание и представляющие собой, несомненно, односторонние акты ноты, направленные правительством Великобритании главам государств некоторых из этих стран, в том числе, к примеру, нота, направленная премьер-министром Мейджером 15 января 1992 года президенту Хорватии, в которой указывается:

«Я направляю эту ноту, чтобы официально заявить, что правительство Великобритании официально признает Хорватию в качестве независимого суверенного государства... признавая Хорватию, мы ожидаем, что правительство Хорватии оперативно предпримет шаги по решению вопросов, связанных с оговорками, изложенными в докладе М. Бадинтера в отношении защиты прав меньшинств... я с нетерпением ожидаю установления дипломатических отношений. Я могу подтвердить, что мы подобающим образом рассматриваем действующие договоры и соглашения, сторонами которых являются Соединенное Королевство и Социалистическая Федеративная Республика Югославия, как остающиеся в силе между Соединенным Королевством и Хорватией»¹⁸.

18. Признание, являющееся в целом односторонним актом, порождает определенные правовые последствия, которые теперь нуждаются в уточнении, хотя этот вопрос и будет рассматриваться в последующих докладах. Признание не порождает прав в пользу его автора, а порождает для него обязательства; признанием, как отмечается в теории, «государство объявляет, что, по его мнению, ситуация существует, и оно не может более этого не признавать; независимо от того, существует такая ситуация объективно или нет, она может быть теперь ему противопоставлена, если этого уже не сделано»¹⁹.

19. Некоторые из многих заявлений, сформулированных государством, признаются в качестве обещаний, подобно рассмотренным ранее заявлениям, сформулированным французскими властями и рассматриваемым Международным Судом по делу о ядерных взрывах. Аналогичным образом рассматривается заявление правительства Испании, отраженное в Соглашении совета министров Испании от 13 ноября 1998 года, в котором одобряется оказание первоначальной помощи для смягчения ущерба от урагана «Митч» в Центральной Америке, упоминавшемся в предыдущем докладе. То же самое можно сказать о заявлении правительства Туниса при посещении этой страны премьер-министром Франции Раймондом Барре 26 октября 1980 года, в котором было объявлено о решении этого правительства немедленно начать и завершить в относительно короткий срок разблокирование французских средств, блокированных со времени обретения страной независимости в 1956 году. Эти меры были введены с 1 января 1981 года²⁰.

¹⁸ BYBIL, 1992, pág. 636.

¹⁹ Combacau, Jean y Sur, Serge, *Droit international public* (Paris, Monchrestien, 1995), pág. 281.

²⁰ *Revue générale de droit international public*, 1981, pág. 396, приведенное Торресом, pág. 49.

20. Практика позволяет выделить другие односторонние заявления, которые могут быть квалифицированы как обещание в том смысле, что они отвечают концептуальному определению такого акта. К примеру, заявление президента Франции Жака Ширака, в котором содержится обещание списать задолженность Сальвадора, Гватемалы, Гондураса и Никарагуа на сумму 739 млн. долл. франков в связи с ущербом, причиненным странам этого региона ураганом «Митч». Кроме того, президент Ширак обещал провести переговоры о сокращении коммерческой задолженности в ходе последующего совещания стран — членов Парижского клуба²¹. Аналогичным образом можно было бы рассматривать также и заявления президента Испании Хосе Марии Аснар 4 апреля 2000 года, когда тот публично заявил: «Хочу также сообщить вам, что я объявил о списании 200 млн. долл. США, предоставленных в виде официальных кредитов по линии помощи в целях развития странам Африки, расположенным к югу от Сахары»²².

21. В равной мере заметное место в международной практике занимают заявления, содержащие отказ. Как мы можем видеть, таким примером, хотя и договорного происхождения, может служить отказ Мавритании от своих притязаний в Западной Сахаре, сделанный 5 августа 1979 года. Фактически речь идет о соглашении, подписанном между Мавританией и Фронтом ПОЛИСАРИО, в котором указывается, что «Исламская Республика Мавритания торжественно заявляет, что она не имеет и не будет иметь территориальных или иных притязаний в отношении Западной Сахары...»²³.

22. Кроме того, мы наблюдаем и другие свойственные практике заявления, такие, как заявление от 20 мая 1980 года, в котором государственный департамент объявил, что Соединенные Штаты Америки отказываются от предъявления требований в отношении суверенитета применительно к 25 островам Тихого океана²⁴.

23. Мы можем видеть также заявления, которые могут содержать различные односторонние материальные акты, такие, как заявление Колумбии в ноте от 22 ноября 1952 года, в которой, как можно понять, содержатся как признание, так и отказ и обещание. В указанной ноте правительство Колумбии объявляет, что «не возражает против суверенитета Соединенных Штатов Венесуэлы над архипелагом Лос Монхес и что вследствие этого не имеет никаких возражений или претензий в отношении осуществления суверенитета или любого властного акта со стороны этой страны применительно к упомянутому Архипелагу». Это заявление, сформулированное в адекватной форме с конкретной целью и сообщенное тому, кому оно предназначается, является односторонним актом, порождающим правовые последствия, которые государство-автор желало породить, когда формулировало его.

24. Как мы увидим ниже и как неоднократно указывалось ранее, представляется несомненным существование односторонних актов в международных отношениях, и они приобретают все большую важность и формулируются все чаще в качестве средства волеизъявления государств в своих международных

²¹ RGDIP, 1999, pag. 195, citado por Torres, pag. 50.

²² Actividades, Textos y Documentos de la Política Exterior Española, 2000, pag. 102, citado por Torres, pag. 50.

²³ RGDIP, 1980, pag. 402.

²⁴ RGDIP, 1980, pag. 1101.

отношениях. Однако эта практика, которая порождается нормальным ходом развития таких отношений, является неопределенной в смысле отсутствия общей и широкой убежденности как авторов этих актов, так и тех, для кого они предназначаются, в том, что она отражает односторонние акты в том аспекте, который интересует Комиссию, хотя некоторые государства признают и квалифицируют упомянутую практику в качестве односторонних актов. Стоит подчеркнуть, что такое представление весьма отличается от того, которое сформировалось при разработке норм, связанных с договорным правом, при котором существование договора как правового инструмента было более ясным ввиду самой позиции государств до его существования, его важности и юридических последствий. В этом контексте было намного легче идентифицировать обычно-правовые нормы, чем в контексте односторонних актов.

С. Перспективность и трудности темы

25. Большинство членов Комиссии указали, что эта тема может быть объектом кодификации, несмотря на ее сложность и трудности, которые вызывают некоторые из ее аспектов, и слабые места, которые можно наблюдать в ее разработке, такие, как неадекватное рассмотрение практики государств. В целом аналогичное мнение было выражено представителями государств в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи.

26. Фактически в Комиссии отмечалось, что эта тема является важной и интересной²⁵, основным кандидатом для прогрессивного развития и кодификации²⁶ и выражались удовлетворение по поводу представленных проектов статей²⁷, а также оптимизм в отношении возможности выработать свод проектов статей по данной теме²⁸.

27. Некоторые, конечно, выразили определенные сомнения в отношении фактической базы и даже подхода и обоснования, оправдывающего изучение этой темы, которая, среди прочего, не учитывает, по мнению некоторых лиц, практики государств. Одно правительство указало, что оно «продолжает считать лишенным достаточного основания весь подход, в рамках которого делается попытка свести широкую гамму односторонних актов к какому-то одному своду общих норм»²⁹.

28. Некоторые правительства также высказались в отношении актуальности данной темы и подхода, который применяет Комиссия к ее исследованию. Так, правительство Португалии в своих замечаниях в отношении этой темы, отвечая на вопросник, распространенный Секретариатом, указало, что «признает важную функцию, которую выполняют односторонние акты, и необходимость выработать нормы, которые регулировали бы их действие»³⁰.

²⁵ Véase la intervención del Sr. A. Pellet, A/CN.4/SR.2695.

²⁶ Véase la intervención del Sr. J. Illueca, A/CN.4/SR.2695.

²⁷ Véase la intervención del Sr. R. Goco, A/CN.4/SR.2695.

²⁸ См. выступление г-на Аль-Бахарны, A/CN.4/SR.2695. Кроме того, см. выступления г-д Экономидеса и Пао, A/CN.4/SR.2696.

²⁹ A/CN.4/524, observaciones generales, Reino Unido, párr. 1.

³⁰ Там же, Portugal. párr. 1.

29. Большинство склоняется к идее о том, что эту работу можно осуществить и что Комиссии следует продвигаться в своей деятельности. Китай подчеркнул, что односторонние акты приобретают все большую важность и что кодификация и прогрессивное развитие права, связанные с ними, имеют исключительно важное значение, хотя процесс этот был бы трудным³¹. Некоторые страны считают, что эта тема нуждается в более ограничительном подходе. Испания указала, что было бы желательным сосредоточиться на определенных типичных односторонних актах и правовом режиме, который следует применять к каждому³². Страны Северной Европы высказались в пользу ограничения изучения этой темы несколькими общими нормами и исследованием определенных конкретных ситуаций³³. В свою очередь Япония сочла, что было бы благоразумным, чтобы Комиссия сосредоточила внимание на более тщательно разработанных аспектах практики государств³⁴. Индия придерживалась мнения о том, что Комиссия могла бы рассмотреть возможность выработки свода заключений по данной теме, вместо ведения работы по подготовке проекта статей³⁵.

30. Можно без колебаний утверждать, что односторонние акты все чаще используются государствами в своих международных отношениях. Разумеется, это утверждение вызывает сомнение в отношении того, являются ли эти акты, которые рассматриваются в данном контексте, односторонними в том смысле, в котором это интересует Комиссию, актами, стоит сразу оговориться, сформулированными в одностороннем порядке, индивидуально или коллективно, сами по себе могущими породить правовые последствия без необходимости согласия, договоренностей или любой другой реакции, связанной с согласием, со стороны того, для кого этот акт предназначается. Несмотря на то, что односторонние акты не упоминаются в пункте 1 статьи 38 Статута Суда, «как практика государств, так и правоведы предполагают наличие такой категории правовых актов»³⁶.

31. Разумеется, если этот вопрос представляется затруднительным в контексте формулирования и применения этих актов, то он еще более сложен, когда рассматриваются его правовые последствия, что будет анализироваться ниже. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что, как указывали некоторые лица, «сфера охвата односторонних актов, определенные односторонние позиции, такие, как недолгое применение права, молчание, когда надлежало заявить что-то, молчаливое согласие, эстоппель — характеризуются неопределенностями, которые окружают их правовые последствия. В некоторых обстоятельствах Гаагский суд рассматривал их, прибегая как к принципу добросовестности, так и к объективным соображениям, вытекающим из общего интереса, в частности необходимости безопасности и ясности права»³⁷.

³¹ A/C.6/56/SR.22, пункт 45. См. также выступления представителей Российской Федерации и Польши, соответственно, A/C.6/56/SR.22, пункт 80, и A/C.6/56/SR.24, пункт 2.

³² См. выступление представителя Испании, A/C.6/56/SR.12, пункт 44.

³³ См. выступление представителя Норвегии, A/C.6/56/SR.22, пункт 32.

³⁴ A/C.6/56/SR.22, пункт 56.

³⁵ A/C.6/56/SR.24, пункт 6.

³⁶ Fiedler, *op. cit.*, pág. 1018.

³⁷ De Visscher, Charles, *Les effectivités en droit international public* (Paris, Pédone, 1968), págs. 156 y 157.

32. Помимо недетерминированности объекта кодификации и прогрессивного развития, одним из вопросов, вызывающих определенные сомнения в отношении реальности темы, является вопрос о том, что, хотя односторонний акт и может быть сформулирован в одностороннем порядке, его материализация или порождение его правовых последствий связаны с тем или теми, для кого он предназначается. Это могло бы привести к поспешному и неправильному выводу о том, что любой односторонний акт по существу является конвенционным актом, что поэтому первые не были бы таковыми и вследствие этого не требовали режима, отдельного от конвенционных актов для регулирования их действия.

33. Выработка акта и его правовые последствия являются двумя аспектами темы, которые должны быть тщательно разделены во избежание неправильных толкований в отношении характера этих актов и их способности быть предметом кодификации и прогрессивного развития.

34. По своей выработке акт является односторонним, хотя его последствия в целом выходят за эти рамки. Во всех случаях устанавливается связь между государством или государствами-авторами и тем или теми, для кого они предназначаются. Двусторонность акта, если можно это так назвать, не может означать его конвенционализации. Акт продолжает оставаться односторонним и появляется в этом контексте, хотя его материализация или его правовые последствия дают о себе знать в других более широких рамках. Иными словами, односторонний акт порождает правовые последствия даже до того, как тот, для кого он предназначается, считал бы, что этот акт может быть противопоставлен ему государством или государствами-авторами. Представляется несомненным, что «большинство актов... трудно отделить от механизма молчаливого признания, обуславливающего их оригинальность; другая группа актов, которые справедливо считать односторонними, еще сильнее связана с собственно конвенционным механизмом (присоединение, расторжение, оговорки и т.п.), до такой степени, что ее не следует от него отделять»³⁸.

35. Нет сомнения относительно сложности определения и квалификации одностороннего акта. В случае обещания, к примеру, вопрос не представляется простым. Необходимо исходить из того, что международное одностороннее обещание существует, хотя и встречается редко. По словам некоторых, «такая редкость легко объяснима, если учесть, что ни одно государство по своей воле не изъявит желание спонтанно и бесплатно идти на уступки». Кроме того, вопрос состоит в том, чтобы определить, может ли тот или иной акт быть квалифицирован в качестве обещания. В этом отношении, как указывает теория, «обнаружение этих сугубо односторонних обещаний требует кропотливых поисков, с тем чтобы определить, не скрывается ли за фасадом формально одностороннего волеизъявления по существу двусторонний акт»³⁹.

36. При рассмотрении заявления Ихлена или ноты правительства Колумбии 1952 года, о которых говорилось выше, можно утверждать, что мы имеем дело с отказом, как и можно утверждать, что мы имеем дело с признанием или обещанием, что может иметь связь с правовыми последствиями, порождаемыми такими заявлениями. Вследствие этого нелегко прийти к категорическому вы-

³⁸ Reuter, Paul, *Principes de droit international public* (Paris, PUF, 1968), pág. 94.

³⁹ Suy, Erick, *Les actes juridiques unilatéraux en droit international public* (Paris, 1962), pág. 11.

воду о том, что мы имеем дело с конкретной категорией односторонних актов, хотя более важное значение, разумеется, имеет то, каковы правовые последствия, порождаемые ими.

D. Содержание настоящего доклада и обзорный характер его второй части

37. В ходе пятьдесят третьей сессии Комиссии в 2001 году один из членов подчеркнул важность того, чтобы Специальный докладчик подготовил содержащий резюме доклад, который позволил бы уточнить положение дел с обсуждением данной темы в целом и представленных до настоящего времени проектов, а также важность и впредь продвигаться вперед в работе над этой темой в том ключе, в котором она рассматривалась. Этот комментарий и начало нового пятилетия обязывают учитывать это пожелание, и как следствие Специальный докладчик представляет на рассмотрение Комиссии вторую часть пятого доклада.

38. С другой стороны, Специальный докладчик считает, что, пытаясь осуществить эту работу в короткие сроки, необходимо сохранять тесную связь с программой, задуманной на более длительный срок. Ввиду этого в заключительной части этого доклада выдвигается общая идея по вопросу о будущей работе, который Комиссии в любом случае необходимо будет рассмотреть.

39. В главе II рассматриваются некоторые новые вопросы, которые, по мнению Специального докладчика, должны быть рассмотрены самым обстоятельным образом, чтобы определиться и иметь возможность более упорядоченно продвигаться в рассмотрении этой темы. В первую очередь рассматривается в этой связи определение одностороннего акта в соответствии с ходом обсуждений как в Комиссии, так и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи. Решение по этому вопросу имеет основополагающее значение для рассмотрения темы и прогресса в работе, хотя Специальный докладчик в полной мере сознает сопряженные с этой темой сложности и трудности.

40. Определение должно охватывать всю палитру односторонних актов, каким бы ни было их содержание, признаваемое теорией и юриспруденцией за актами, которые сами по себе порождают правовые последствия. Фактически представляется важным принять такое определение, которое позволяло бы включить в его контекст разнообразные акты, считающиеся односторонними в русле рассматриваемой Комиссией темы. Требуется широкий подход, чтобы избежать возможного исключения некоторых из этих актов из сферы исследования, но при этом требуется, и в этом сказывается сложность вопроса, применять ограничительный подход, чтобы не отворять излишне широко дверь и не допустить включения актов, которые не соответствуют категории интересующих нас актов или не принадлежат к ней. В результате этого здесь не обойтись без сбалансированного в этом смысле подхода.

41. Второй рассматриваемый вопрос связан с условиями действительности и причинами недействительности односторонних актов под постоянным углом зрения обсуждения этой темы как в Комиссии, так и в Шестом комитете. Как указывалось, рассмотрению режима недействительности, выходящему за рамки рассмотрения дефектов согласия, или в данном контексте волеизъявления, должно предшествовать рассмотрение определения условий действительности

акта. Все эти аспекты рассматриваются более обстоятельно в настоящем докладе. В то же время освещаются некоторые другие вопросы, связанные с неприменением односторонних актов.

42. Третий вопрос, который рассматривается углубленно в рамках тех же параметров, связан с нормами толкования, применимыми к односторонним актам, т.е. вопросом, который был представлен на рассмотрение Комиссии Специальным докладчиком в его четвертом докладе и обсужден на пятьдесят третьей сессии. Для повторного рассмотрения представляется новый вариант ранее представленных проектов.

43. И наконец, в этой первой части вновь излагается краткое описание возможностей классификации односторонних актов, ее актуальности и важности применительно к структуре работы над данной темой.

44. В главе III рассматриваются различные вопросы в рамках возможности выработки общих норм, применимых ко всем односторонним актам, какими бы ни были их определение, содержание и правовые последствия. Рассматривается общая норма о соблюдении односторонних актов, вытекающая из статьи 26 Венской конвенции 1969 года, касающейся базовой нормы права договоров — *parata sunt servanda*. Предпринимается попытка обосновать обязательный характер акта приспособленной для этого нормой, о чем шла речь в первом докладе Специального докладчика. Далее рассматриваются вопросы, которые могут быть предметом деятельности по выработке норм, общих для всех актов: применение акта во времени, что ставит вопрос о ретроактивности и неретроактивности одностороннего акта, и его применение в пространстве.

45. В главе IV анализируется важная, по нашему мнению, тема: определение момента, с которого односторонний акт порождает свои правовые последствия, что определенным образом связано со вступлением в действие в контексте права договоров, хотя, разумеется, и с учетом собственной специфики этих актов, — два понятия, несхожие в силу самой природы правовых актов, о которых идет речь, однако имеющие, несомненно, важные общие элементы. В данном случае речь идет не о составлении на нынешнем этапе редакции проектов статей, а, скорее, о постановке некоторых вопросов для их обсуждения в Комиссии, что призвано облегчить предпринятую кодификацию.

46. В главе V представлена структура проекта в соответствии с достигнутыми результатами и планом будущей работы, который Специальный докладчик представляет на рассмотрение Комиссии.

II. Обзорное рассмотрение некоторых основополагающих вопросов

47. Для облегчения рассмотрения темы в Комиссии было сочтено важным, как указывалось выше, еще раз рассмотреть, хотя и в поверхностной форме, четыре вопроса, которые считаются исключительно важными, в попытке внести новые элементы и уточнения, которые способствовали бы обсуждению в Комиссии: определение одностороннего акта; условия действительности и причины недействительности и другие вопросы, связанные с его неприменением; нормы толкования, применимые к этим актам; и классификация, квалификация и их место в структуре проекта.

A. Определение одностороннего акта

48. Определение одностороннего акта является основополагающим вопросом, который требуется решить. Специальный докладчик предложил определение, которое сложилось под влиянием мнений и комментариев членов и представителей государств-членов как в Шестом комитете, так и в их ответах на вопросник, направленный в 2001 году.

49. На пятьдесят третьей сессии КМП было сочтено, что был достигнут определенный прогресс, и были представлены некоторые соответствующие термины и исключены те, в отношении сохранения которых в Комиссии не было консенсуса.

50. По мере обсуждения этой темы сложился более приемлемый проект определения одностороннего акта, который был представлен Редакционному комитету в 2000 году в том виде, в котором он был изложен в третьем докладе.

51. В варианте, который был представлен Редакционному комитету Комиссией, можно видеть некоторые различия. Прежде всего термин «заявление» был заменен термином «акт», который считается более широким и менее исключительным, нежели термин «заявление», и который охватывал все односторонние акты, особенно те, которые могли бы выходить за рамки заявления, хотя Специальный докладчик считал, что вся совокупность односторонних актов, независимо от их названия, содержания и правовых последствий, формулируется посредством заявления.

52. Понятие «самостоятельность» было также исключено из определения после длительной дискуссии в Комиссии, хотя Специальный докладчик считал, что эта характеристика имеет важное значение и должна толковаться, пожалуй, в иной форме, означая в любом случае независимость в отношении других правовых режимов и способность этих самих по себе актов порождать последствия. Стоит напомнить, что Суд по делу о ядерных взрывах уточняет, что речь идет об определенных правовых актах «строго одностороннего характера»⁴⁰, даже хотя речь идет об одном из этих актов — обещании, что, как представляется, отражает независимый характер этих актов.

53. В теории, как указывалось, независимость акта используется для характеристики волеизъявления, и Специальный докладчик разделяет эту точку зрения. Профессор Сюи, к примеру, отмечает, что «волеизъявление, чтобы быть действительным, должно быть независимым от волеизъявлений других субъектов права»⁴¹. Тем не менее, по мнению некоторых членов, односторонние акты не могут быть самостоятельными, поскольку они всегда санкционированы международным правом.

54. Эта тема являлась также предметом обсуждения в Шестом комитете в 2000 году. С одной стороны, приводились доводы о том, что понятие самостоятельности, подразумеваемое как независимость в отношении других ранее существовавших правовых актов или как имеющаяся у государства свобода формулировать акт, должно быть включено в определение⁴².

⁴⁰ *CIJ Recueil 1974*, pág. 267.

⁴¹ Suy, E., *op. cit.*

⁴² См. выступление представителя Италии, A/C.6/55/SR.19, пункт 19.

55. В связи с фразой «волеизъявление, сформулированное с намерением вызвать правовые последствия» отмечается, что в ходе обсуждений Комиссией в 2000 году некоторые сочли, что во включении этой фразы нет необходимости. Они даже указали на возможную тавтологию или излишность этих терминов, однако, как это говорится в докладе, который был принят Комиссией в 2000 году, «между первым из них, который обозначает фактическое осуществление акта, и вторым, обозначающим смысл, придаваемый государством осуществлению этого акта, просматривается четкое различие. Эти два термина являются взаимодополняющими и должны быть сохранены»⁴³.

56. Не утрачивает своей актуальности более прямая ссылка в целом на волеизъявление, являющееся основополагающим аспектом правового акта; и, разумеется, одностороннего акта, который нас интересует. Хорошо известно то важное значение, которое придается роли воли в правовом акте. По мнению некоторых, даже сам акт является волеизъявлением, что отражается в предложенном определении. Кроме того, из этого вытекает та важность, которая придается толкованию воли, будь то объявленной или реальной воли автора акта, и порокам, которые могут отражаться на его действительности.

57. Односторонний акт определяется практически во всех теоретических источниках без каких бы то ни было больших различий у того или иного автора как «волеизъявление, осуществленное субъектом международного права с намерением породить правовые последствия на международном уровне»⁴⁴. Как указывает один из авторов: «Односторонний правовой акт является волеизъявлением..., существование которого предусматривается международным публичным правом, проистекающим от одного субъекта права и имеющим своим результатом изменение правового режима»⁴⁵. По мнению других, односторонний акт «проистекает из одного волеизъявления и создает нормы, предназначенные для применения к субъектам права, которые не участвовали в подготовке акта»⁴⁶.

58. Волеизъявление тесно связано с правовым актом и вследствие этого — с односторонним актом. Воля является составной частью согласия, которое, в частности, необходимо для формирования правового акта. Эта воля, разумеется, должна рассматриваться как один из психологических элементов (внутренняя воля) и как один из элементов внешнего свойства (объявленная воля), что рассматривается ниже в другом контексте.

59. Определение признания, которое предлагают авторитетные правоведы, базируется на волеизъявлении. Признание, по мнению некоторых, является «общим правовым институтом, единодушно рассматриваемым авторами в качестве одностороннего волеизъявления, которое проистекает от одного субъекта права и посредством которого последний констатирует прежде всего суще-

⁴³ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10), пункт 607.*

⁴⁴ Ugios Moliner, Santiago. "Actos unilaterales y derecho internacional público: delimitación de una figura susceptible de un régimen jurídico común, tesis de la Universitat Jaume I, España, 2001, pág. 59.

⁴⁵ Regaldies, F. "Contribution a l'étude de l'acte juridique unilatéral et droit international public", *Revue juridique Themis*, vol. 15, Montréal, pág. 417.

⁴⁶ Jacque, Jean Paul. A propos de la promesse unilatérale. *Mélanges offerts à Paul Reuter. Le droit international: unité et diversité* (Paris, 1981), pág. 239.

ствующее положение и выражает свое намерение рассматривать его в качестве легитимного в правовом отношении»⁴⁷. Обещание также основывается на волеизъявлении⁴⁸. Такое же утверждение можно сделать в отношении отказа, который является «волеизъявлением, посредством которого один из субъектов права отказывается от субъективного права без вмешательства волеизъявления третьих субъектов»⁴⁹.

60. С другой стороны, фраза «с намерением взять на себя правовые обязательства» была заменена фразой «с намерением вызвать правовые последствия», которая была сочтена более широкой и способной охватить как приобретение обязательств, так и приобретение прав. Вместе с тем необходимо уточнить, что Комиссия продолжает считать, что то или иное государство не может налагать односторонние обязательства на другое государство посредством акта, в подготовке которого то не участвовало, и не заручившись его согласием. Применительно к этому вновь было заявлено о действии принципов, твердо установленных в международном праве, в том числе принципа *res inter alios acta* и принципа римского права *acta tertiis nec nocent nec prosunt*, т.е. принципа, гласящего о том, что договоры не обязывают третьи стороны и не дают им выгод. Как говорится: «В классическом международном праве в принципе не возможно, чтобы один из субъектов права создавал обязательства для другого субъекта без согласия последнего»⁵⁰. Следует подчеркнуть, что обоснование этой нормы не базируется единственно на этом принципе, применимом к договорной сфере, а базируется на суверенитете и независимости государств. В этом смысле международные судебные решения не оставляют никаких сомнений. Можно напомнить о решении арбитра Макса Губера по делу “*Isla de Palmas*”: «Кроме того, представляется очевидным, что договоры, заключенные Испанией с третьими государствами, в которых признается ее суверенитет над «Филиппинами», не могут обязывать Нидерланды»⁵¹. Одновременно в этом решении указывается, что «каким бы ни был подлинный смысл договора, его нельзя истолковывать так, чтобы речь шла о правах третьих независимых государств»⁵². Следует также напомнить о решении, приводившемся в предыдущих докладах Постоянной Палаты Международного Правосудия по делу “*Zonas francas*”, когда Суд отметил, что «даже в подразумеваемой посылке представляется очевидным, что в любом случае статья 435 Версальского договора ничем не обязывает Швейцарию, не являющуюся участником договора, кроме как в той степени, в которой эта страна дала согласие на это»⁵³. И наконец, выделяется решение по делу «*Incidente Aéreo*» от 27 июля 1955 года, в котором Суд указывает, что пункт 5 статьи 36 Статута Суда «не имеет правовой силы в отношении государств, не подписавших его»⁵⁴.

61. Международное право также не оставляет сомнений в том, что в принципе договор не может и наделять правами государства, которые не являются его участниками, как это было установлено Постоянной Палатой Международного

⁴⁷ Suy, E., *op. cit.*, pág. 191.

⁴⁸ Jacque, *op. cit.*, pág. 339.

⁴⁹ Suy, E., *op. cit.*, pág. 156.

⁵⁰ Jacque, J.P., *op. cit.*, pág. 329.

⁵¹ *Reports of International Arbitral Awards*, vol. II, 1949, pág. 850.

⁵² *Ibid.*, pág. 842.

⁵³ *PCIJ 1932*, serie A/B, No. 46, pág. 141.

⁵⁴ *Recueil CIJ 1959*, pág. 138.

Правосудия по делу “*Ciertos intereses alemanes en la Alta Silesia polaca*”, когда она указала, что «документы, о которых идет речь, не предусматривают существования права на присоединение к ним у других государств... Договор лишь создает права в отношениях государств-участников, являющихся его сторонами; в случае сомнений из него нельзя вывести ни одного права в пользу третьих государств»⁵⁵.

62. В праве договоров, разумеется, устанавливаются исключения из этой нормы, такие, как положение в пользу третьих сторон, которое требует согласия третьего государства⁵⁶, и следует задаться вопросом, можно ли было бы в контексте односторонних актов говорить о возможности того, что то или иное государство могло бы налагать обязательство на другое без его согласия, иными словами, можно ли выходить за рамки утверждения прав и правовых притязаний.

63. Проанализировав различные односторонние акты, о которых мы упоминали, мы можем заметить, что посредством этих актов не налагаются обязательства на государство. Отказ и обещание исчерпывающе ясны в этом отношении. Признание применительно к признанию государств, пожалуй, могло бы послужить предметом более обстоятельных размышлений.

64. Фактически, когда за тем или иным образованием признается статус государства, государство-автор всегда принимает на себя некоторые обязательства, которые связаны с самой природой государства и которые вытекают из международного права. Однако может возникать вопрос о том, налагаются ли обязательства на признанные образования, которые соответствуют ему как государству в соответствии с международным правом. Ответ на этот вопрос зависит от того характера, который придается признанию государства. Если принимается тезис о том, что акт признания является просто декларативным, а не конstitutивным, который в остальном мы разделяем, можно утверждать, что такие обязательства возникают не из этого акта признания, а из его самого существования в качестве государства.

65. Члены в целом и представители в Шестом комитете сочли, однако, что эта фраза должна быть более широкой, хотя, по нашему мнению, это не могло бы означать, что это расширение могло бы позволять или толковалось как позволяющее государствам налагать обязательства на третьи государства без их согласия.

66. И наконец, заменяется требование «гласности» требованием «известности» по тем соображениям, что первое требование включалось только в случае одностороннего акта, сформулированного *erga omnes*, как обстояло с делом с заявлениями французских властей, рассмотренными Международным Судом по делу о ядерных взрывах. Вместе с тем Комиссия обсудила вопрос о том, является ли этот элемент составной частью самого акта или, напротив, речь идет о декларативном элементе, который не имеет существенного значения для самого определения акта.

⁵⁵ *PCIJ 1926*, serie A, No. 7.

⁵⁶ Постоянная палата по делу “*Zonas francas*” указала, что «ничто не препятствует тому, чтобы... воля суверенных государств имела эту цель и это действие». *PCIJ/1932*, serie A/B, No. 46, pág. 147.

67. По мнению одного из правительств, намерение породить правовые последствия, о чем идет речь в определении, не является основой обязательности одностороннего акта. Таким образом, как отмечает правительство Португалии, соглашаясь с определением, предложенным Специальным докладчиком, «именно международное право, а не намерение государства наделяет в международном праве действительной силой односторонние акты»⁵⁷.

68. Предложенное определение, по которому, как представляется, в целом в Комиссии имеется консенсус, касается актов, сформулированных государством. Вместе с тем применительно к тому, для кого этот акт предназначен, была введена формула более широкая по сравнению с первым предложением Специального докладчика, что отражает тот факт, что, хотя речь идет об актах государства, они могут быть направлены на другие субъекты международного права. Один из членов Комиссии даже указал, что тот, для кого предназначен акт, может быть, помимо государства или той или иной международной организации, другим субъектом и отдельным образованием, что еще не рассматривалось Комиссией. Первоначально предложенное уточнение могло бы, по существующему в Комиссии мнению, ограничить последствия односторонних актов отношениями с другими государствами и международными организациями, исключая другие образования, такие, как национально-освободительные движения и прочие, кто мог бы быть бенефициарами этих актов, если таковым было бы намерение автора.

69. Включение термина «недвусмысленное» в целом было принято в Комиссии. В ходе обсуждения было сочтено, что «он приемлем, поскольку ... трудно представить себе, каким образом односторонний акт может быть сформулирован так, что содержание его не будет ясно или в нем будут содержаться имплицитно выраженные условия или ограничения, или каким образом его можно легко и быстро дезавуировать»⁵⁸. Тем не менее, некоторые выступили против включения этого термина, считая, что «следует понимать, что волеизъявление всегда должно быть ясным и понятным; если оно является двусмысленным и не может быть прояснено с помощью обычных средств толкования, то такое волеизъявление не создает правовой акт... Идеи ясности и определенности... [передаваемые] с помощью слова «недвусмысленное» есть вопрос субъективного суждения, традиционно оставляемым на усмотрение судьи, и он не уместен в определении односторонних актов»⁵⁹.

70. В этой связи Шестой комитет в 2000 году указал, что слово «недвусмысленное», квалифицирующее слово «волеизъявление», в определении не надо рассматривать как равноценное словам «прямо выраженное». Имплицитное или молчаливое волеизъявление могло бы быть недвусмысленным⁶⁰.

71. В любом случае проект определения должен быть рассмотрен Редакционным комитетом на пятьдесят четвертой сессии Комиссии. Ясно, что существует определенная тенденция сведения изучения односторонних актов к обещанию, т.е. тенденция к выработке норм, главным образом под углом зрения одного из актов: международного обещания, хотя, несомненно, оно представляет собой

⁵⁷ A/CN.4/524, Observaciones generales, Portugal, párr. 2.

⁵⁸ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункт 553.

⁵⁹ Там же, пункт 554.

⁶⁰ См. выступление представителя Гватемалы, A/C.6/55/SR.20, пункт 28.

односторонний акт очень важного значения, который некоторым образом влияет на ход изучения этой темы. Разнообразные односторонние акты, признаваемые как в теории, так и в судебных решениях, необходимо рассматривать на основе сбалансированного подхода, тем более в рамках деятельности по кодификации и прогрессивному развитию, осуществляемой в Комиссии. В этой связи стоит напомнить, что сама Комиссия сочла, что начатая деятельность по кодификации может быть сосредоточена, по крайней мере на этом первом этапе, на обещании в том виде, в котором оно определяется в целом в теории и который отражает одностороннее принятие на себя обязательств.

72. Что касается всего разнообразия актов и трудностей, которые вызывают их категоризация и квалификация, связанные в определенной мере с их правовыми последствиями, мы должны в настоящее время указать, что в ходе обсуждений в Комиссии было согласовано исключение ряда актов и образов поведения, которые, хотя и порождают правовые последствия, но отличаются от правовых актов, регулирование которых мы пытаемся обеспечить.

73. Вызывает сомнение принадлежность к венскому режиму или к односторонним актам некоторых односторонних заявлений, таких, как, например, заявления о согласии на юрисдикцию Международного Суда, представляемые государствами по статье 36 Статута, которые ранее рассматривались Комиссией. Специальный докладчик, разделяя мнение некоторых теоретиков, утверждает, что такие заявления относятся к конвенционному режиму. Тем не менее, их конкретные характеристики, как это признал сам Суд, могут отличать их от явно договорных заявлений.

74. Другие уже рассмотренные заявления, как представляется, легче отнести к тем односторонним актам, которые представляют интерес для Комиссии. Речь идет о заявлениях, сформулированных представителем государства в рамках процесса в Международном Суде. Возникающий вопрос состоит в том, могут ли эти заявления, если они, разумеется, отвечают условиям действительности акта, рассматриваться в качестве односторонних и обязательных для государства, от имени которого действует агент.

75. Так обстоит дело с заявлением агента Польши в Постоянной Палате Международного Правосудия по делу “*Ciertos Intereses alemanes en la Alta Silesia polaca*”, когда Суд указал в отношении заявления представителя Польши, что:

«Представитель ответчика в Суде помимо вышеуказанных заявлений, касающихся намерения его правительства экспроприировать в определенной части недвижимое имущество, указанное в уведомлении, сделал другие аналогичные заявления, о которых будет сказано ниже; усомниться в обязательном характере этих заявлений Суд не может»⁶¹.

76. Специальный докладчик предложил отделить некоторые виды поведения и позиции, которые, подобно молчанию, хотя и могут, несомненно, порождать правовые последствия, не представляя собой одностороннего акта в строгом смысле этого термина, понимая под ним волеизъявление, выраженное с намерением вызвать правовые последствия в отношении с третьим государством, не участвовавшим в его выработке, и порождающее правовые последствия без не-

⁶¹ *PCIJ 1926, serie A, No. 7, pág. 13.*

обходимости участия этого третьего государства, иными словами, его согласия или любой другой реакции, которую можно ожидать.

77. Молчание рассматривалось многими в качестве волеизъявления в порядке реагирования на ситуацию или притязания другого субъекта международного права. Нельзя игнорировать ту важность, которая ему придается как в теории, так и в международных судах. В некоторых важных судебных решениях, как, например, по делам “*Pesquerías anglo-noruegas*”⁶² и “*Templo Préh Vihear*”⁶³ учитывались молчание и его правовые последствия, являвшиеся предметом тщательного рассмотрения в предыдущих докладах и обсуждавшиеся также в Комиссии. Необходимо дать ответ на вопрос о том, отличается ли это волеизъявление от того волеизъявления, о котором идет речь в связи с интересующим нас в настоящее время определением. Если Комиссия сочтет актуальным включение молчания в исследование односторонних актов, то надо будет определить смысл и предел обязательства государства, вытекающие из такого поведения. Комиссии следует рассмотреть этот вопрос и определиться, принадлежит ли такое поведение, как молчание, к сфере волеизъявлений, которую мы пытаемся регулировать, и ввиду этого попытаться обеспечить, чтобы оно было включено в определение, которое нам предстоит принять в этом году, или, напротив, как утверждается, его надо выделить из исследования и исключить из определения.

78. С другой стороны, некоторые указали, что государство может осуществлять односторонние акты даже «не зная об этом», независимо от своего намерения. Это, разумеется, представляется возможным, поскольку может происходить в других правовых сферах. Однако следует задать вопрос о том, представляет ли собой волеизъявление, которое может иметь иные коннотации, односторонний акт в том смысле, который нас интересует. Этот вопрос следует также тщательным образом изучить на предмет включения или отделения его определенным образом и для того, чтобы иметь возможность выработать адекватное определение.

79. Другие акты, даже договорные, можно спутать с односторонними актами, которыми занимается в настоящее время Комиссия. Так обстоит дело с договорами, в которых согласуются права или налагаются обязательства для третьих сторон, не участвовавших в их выработке. Эти договорные акты можно было бы рассматривать как односторонние акты коллективного или договорного происхождения в пользу третьих сторон. Однако в реальности речь идет о сопутствующих соглашениях или о положении в пользу третьих сторон, что предусматривается и решается в статьях 35 и 36 Венской конвенции 1969 года. В любом случае для того, чтобы третье государство могло быть связано договором, оно должно дать прямо выраженное согласие на обязательства, которые могли бы вытекать из него, или в ином случае дать согласие в отношении прав, которые оно могло бы приобрести из договора, в выработке которого это государство не участвовало, что рассматривается в менее строгой форме в Конвенции 1969 года.

⁶² *Recueil CIJ 1951*, párr. 139.

⁶³ *Recueil CIJ 1962*, párr. 23.

80. Как указывалось выше, определение одностороннего акта имеет основополагающее значение и при его рассмотрении следует учитывать все односторонние акты, чтобы придти к широкому и исчерпывающему определению.

81. Специальным докладчикам предложен и направлен в Редакционный комитет нижеследующий текст статьи:

Статья 1. Определение одностороннего акта

Для целей настоящих статей под односторонним актом государства понимается недвусмысленное волеизъявление государства, сформулированное с намерением вызвать правовые последствия в его отношениях с одним или несколькими государствами либо с одной или несколькими международными организациями, о котором известно этому государству или этой международной организации.
